

Часть I
НЕПРОШЕНАЯ ЛЕГЕНДА

Глава 1
ЭЛИОТ НИКСАРД

Выглядел этот мир исключительно паршиво.

Небо, солнце, земля — все никуда не годилось.

Разве это небо? Вот эта свинцовая толща, загроможденная черными этажами рваных, клубящихся туч, лениво плывущих в неизведанную даль, — небо? А что за солнце! Какая-то бледная клякса изредка проглядывала сквозь случайные прорехи грозowego одеяла в тщетной попытке осветить простирающуюся под ней землю...

С землей было хуже всего. Не земля, скорее — раскаленная сковородка, которую какой-то древний забывчивый бог поставил на палящую во всю адскую мощь гигантскую конфорку. Поставил так давно, что ее содержимое — к примеру, вот эта планета, — превратилось в совершенно нераспознаваемую спекшуюся массу — шлак и пепел...

Да, это всего лишь метафора, но она довольно точно отражала суть наблюдаемой картины: куда бы ни падал взгляд, везде простиралась раскаленная равнина. Темные пятна менее нагретых участков, словно причудливый камуфляж, беспорядочно перемежались с раскаленными докрасна. Сквозь змеящиеся трещины, густой сетью покрывающие всю видимую поверхность магматической коры, неустанно прорывались языки желто-красного пламени. Чаще всего они просто гасли от порывов удушливого горячего ветра, уступая место таким же скоротечным огненным собратьям, но иногда закручивались яркими смерчками и успевали преодолеть не один десяток метров, прежде чем закончить существование.

Все вместе взятое весьма смахивало на первозданный мир, еще не остывший после Сотворения. Вот только некое аномальное пятно, расположенное в гипотетическом центре этого раскаленного ада, несколько портило общую картину...

* * *

Я неподвижно сидел на корточках, упираясь локтями в колени и расслабленно опустив кисти рук.

Ассоциации, вызванные размышлениями по поводу устройства этого бредового мира, были такими же мрачными, как и сами мысли. Хаотичная и одновременно подозрительно слаженная работа огненных язычков, пляшущих по гигантской жаровне перед моими глазами, напоминала шевеление пальцев неведомого многорукого чудища, ощупывающего сквозь трещины поверхность подземной темницы. Чудищу было тесно. Оно упорно стремилось вырваться на волю. И с холодной яростью пялилось в недоступный для него мир громадным голубовато-прозрачным глазом.

Не слишком приятная ассоциация.

Ведь я как раз находился на этом «глазе»: посреди пекла необъяснимым образом зияло гладкое ледяное пятно, около десяти метров в диаметре. И не таяло.

Недоуменно покачав головой, я снова *потянулся* к поверхности почвы, находившейся за льдом — *потянулся* сознанием, оставаясь на месте. Гамма различных *подощущений* оживленно и нетерпеливо вилась вокруг основного потока внимания, напоминая массу оборванных, перебираемых легким ветром невидимых паутинок. Несколько минут назад, оказавшись после телепортации здесь, прямо в центре этого пятна, и следуя подсказке инстинкта самосохранения, я ошеломленно замер. Превратился в каменного истукана. Обратился в слух, зрение, осязание. Замер, изучая обстановку и *ощупывая* пространство лишь в пределах ледяного пятна. Минуты благополучно утекли, а тревожный звоночек в сознании не стихал. Поэтому я решил пойти дальше и мысленно переступил границу ледяного круга.

Осторожное касание, и...

Перепад температур оказался столь резок, что сеанс мазохизма мгновенно прекратился сам собой. Псевдоподии ментальной сети судорожно отдернулись от поверхности земли и втянулись обратно в энергетический кокон ауры. На мгновение мне даже почудилось, что запахло паленым, хотя это, конечно, лишь иллюзия — гореть нечему. Исключительно субъективное ощущение, но приятным его никак не назовешь.

Ну-с, и что со всем этим прикажете делать?

Ощущение-то субъективное, а вот жар за границей ледяного круга — вполне реальный, как и смертоносный холод под ногами. Честно говоря, если бы не уникальные способности, присущие мне исключительно как *лешуку*, то холод превратил бы меня в ледяную статую в считанные минуты после появления в этом мире.

Мысль заставила поежиться. Каким бы неуязвимым я ни казался окружающим, простые человеческие эмоции мне не чужды. Страх, например. Жизнь в любой момент может подложить такую свинью, что никаких способностей не хватит для выживания.

В этот раз способностей хватило, причем с изрядным запасом.

Прежде чем я сумел разобраться в ситуации в момент *переноса*, защита организма сработала самостоятельно, и энергетика мгновенно подскочила на порядок выше, как бы укутав все тело в невидимый скафандр. Невидимый, естественно, для простого смертного, не продвинутого ментально. Сам-то я серебристое свечение своего биополя видел отлично. Нельзя сказать, что ощущение дискомфорта полностью пропало — ведь холод никуда не делся и продолжал неумолимо грызть защиту мелкими острыми зубками, но все же «морозильник» удалось временно нейтрализовать, что дало возможность относительно спокойно подумать над тем, куда я, собственно, попал.

На первый взгляд... да и на все последующие этот мир явно не предназначался в качестве среды обитания для живых существ. Но раз меня все-таки перебросило сюда, выходит, эти самые живые существа просто обязаны здесь обитать. Псевдо-разум хкаси-телепорта не может ошибаться, он выполняет пожелания клиента исключительно точно. По крайней мере, до сих пор было именно так. Так в чем же тут загвоздка?

Когда обманывают чувства или неадекватно воспринимают и отражают мир, то остается еще собственный разум. А он подсказывал, что преподнесенная мне в визуальных образах и субъективных тактильных ощущениях картина мира никак не может быть истинной. Совершенно особая структура энергетики пространства. Больше иллюзии, чем действительных физических изменений... Хотя последних немало и сработаны они настолько тщательно и добросовестно, что желания про-

гуляться по пышущей жаром поверхности упорно не возникало.

Тщательно сработанная и смертельно опасная фальшивка.

Тот, кто ее создал, вряд ли оставил свое «детище» без сигнализации. «Паучок» рано или поздно обязательно явится для проверки «паутины». Одна проблема — ждать я не мог. Терпения мне не занимать, но энергетика организма тратилась на защиту с бешеной скоростью, а качать энергию из окружающего пространства взамен израсходованной я не успевал. Еще полчаса, от силы — час такого ожидания, и придется придумывать другой способ докопаться до истины. Так что лучше начать действовать прямо сейчас, бездействие в критических ситуациях никогда не состояло в списке моих любимых занятий.

Я снова окинул внимательным взглядом пространство вокруг себя, повернулся вокруг оси на носках ботинок, по-прежнему оставаясь на корточках. Ни единой живой души, никакого намека на живую природу — красно-черная от жара земля и огонь, прорывающийся из трещин. И холод под ногами — ледяные потоки воздуха непрерывно текли снизу. Причем холод не ослабевал, а «горел» ровно, и раскаленная земля вокруг обледеневшего участка не собиралась предьявлять на него права. Неплохо сработано. Найти бы еще искусника, ответственного за сие творчество, и повыдергивать ему что-нибудь лишнее...

Ботинки и одежда из экровелена с автоматически подключившимися термоэлементами служили дополнительной преградой от тянущего снизу холода, голову защищал капюшон. А вот ничем не прикрытые руки уже начали предательски зябнуть. Не прекращая размышлять над проблемой, я легким усилием воли немного ускорил метаболизм, заставляя тело согреться...

Вот тогда-то это и случилось.

Прямо в пространстве возник вертикальный разрез — как раз там, куда я смотрел, шагах в тридцати. Словно невидимый меч нанес удар, совершенно бесшумно рассекая с изнанки холст художника, выдумавшего этот ад из выжженной до горизонта земли. В образовавшуюся прореху, сквозь которую я разглядел зелень живой природы (теперь понятно, о чем шла речь раньше?), проник всадник, по виду — воин. И сам он, и несший его зверь обладали жутковатым обликом. За свою

жизнь я повидал немало отвратных рож, принадлежащих представителям иных, нечеловеческих рас, но эта послужила бы достойным образчиком для галереи уродов.

Я уже был на ногах. Тревога плеснула в вены бодрящим напитком, и тело мгновенно перешло в состояние боевой готовности.

Воин был высок и массивен. Мощный торс, широченные плечи. Тело от шеи до бедер заковано в черные, не отражающие свет латы, с левого бедра свисает огромный прямой меч, серые ножны прикреплены короткой цепочкой из грубых металлических колец к латам на уровне пояса. Длинный черный плащ, отороченный по краям серебром, лениво плещется за плечами под порывами слабого ветерка. Хищный клыкастый зверь, выгравированный на высоком шлеме воина, распахнул пасть в приступе необузданной ярости... И лицо воина, грубое звериное лицо, ненамного отличалось от изображения на шлеме. Темно-серая кожа, мощные, каменно-застывшие, сильно выдающиеся вперед челюсти, узкие горящие глаза-щели без зрачков, невероятно длинный разрез глазных впадин загибался к виску наподобие крыльев парящей птицы. Зверь под всадником отдаленно смахивал на коня... Я видел коней по визосети в каком-то фантастическом сериале у себя дома, на Нове-2; кажется, они обитают на Марсане, в мире сонного пастушьего захолустья где-то на периферии Федерации. Мирные, гладкошкурные грациозные зверюшки. Этого же «коня» от макушки до массивных копыт-трезубцев обтягивала черная чешуйчатая кожа, жесткая как черепаший панцирь даже на вид, а крутолобую голову с массивными костяными надбровьями и внушительной пастью, усаженной мощными белыми клыками, он определенно позаимствовал у дракона. Дракона я, кстати, видел в том же сериале, и там для него конь являлся отличной закуской, с рыцарем или без, это уже нюансы. А здесь получалась этакая причудливая помесь — драконоконь. Широченную грудь зверя защищал тусклый металлический щит, подвешенный на цепях через холку, морду оплетала сетка из замысловато завитых металлических прутьев — видимо, для защиты от рубящих ударов.

Опасность...

Я всегда ее чувствовал еще до того, как она успевала нанести удар, с тех самых пор, как с помощью *чужого* по имени Нкот соприкоснулся с искусством Лешу. Мощный менталь-

ный фон угрозы и враждебности окутывал всадника мутным шевелящимся облаком. Скорость восприятия резко подскочила, сознание словно заскользило по наклонной ледяной плоскости, как бы отщелкивая все необходимые подробности сканируемой реальности.

Всадник неторопливо приближался, копыта-трезубцы, преодолев раскаленную твердь без видимого для себя ущерба, вступили на ледяное пятно, с хрустом испарывая лед и разбрасывая вокруг себя мелкое серебристое крошево. Латы всадника и драконоконя глухо позвякивали в такт движению. Седок обладал значительным ростом — по предварительным прикидкам, выше двух метров, и зверь под ним был ему под стать — более трех метров от земли до чешуйчатой макушки.

Серьезный противник.

Именно противник, потому как, похоже, он и владел этой ловушкой, а такие вещи не сотворяют с благими намерениями.

В трех шагах от меня драконоконь остановился, шумно выпустил бледное призрачное пламя из ноздрей, повернув морду вбок, кровожадно скосил на меня черный антрацитовый глаз размером с блюдце. С этого расстояния его седок показался мне опасно близким, — пришлось поднять взгляд, чтобы не упустить из виду хищное ползвериное лицо этой устрашающей махины, неподвижное, словно высеченное из камня.

Пока я мысленно выстраивал первую фразу предстоящего разговора, воин заговорил первым. Низкий мощный голос почти зримо всколыхнул воздух, странной вибрирующей дрожью проникая в мышцы...

— Раб, прибывший из-за Сферы для услужения Владыке Колдэна, повинуйся мне, его слуге, Хранителю Силы Рода, ловчему магу Драхубу! На колени!

Этот тип пытался воздействовать на меня ментально, понял я с некоторым удивлением. Причем я слышал совсем другие звуки — резкие, отрывистые слоги незнакомого языка, который почему-то понимал, хотя автоматически включившийся лингвистический анализатор не распознал еще ни одного слова по столь скудной информации. Очень странно. Но с этим внезапным знанием можно разобраться позже... Погоди, я ведь не ослышался? Ловчему магу? Магу, Зло его подери! Вот теперь я окончательно уверился в своих предположе-

ниях относительно мира, в который так опрометчиво сам себя загнал. Ловчий маг — это, видимо, маг, в обязанности которого входит отлавливание чужаков вроде меня. А ловушка, естественно, магическая. А мир, конечно же, живет по этим самым магическим законам, будь они неладны. Вот так занесло...

Стоп.

Этот тип толковал о рабстве?

Большая ошибка с его стороны. Очень большая. Я человек доброжелательный, но в таком тоне разговаривать с собой не позволю никому.

Не дождавшись от меня никакой реакции, маг по имени Драхуб снова угрожающе зарычал:

— На колени, раб! Поторопись выполнить мою волю, ибо неповиновение будет наказано...

Теперь с каждым словом из черного провала рта вырывался язычок голубого пламени, завиваясь в кольца вокруг ослепительно белых клыков, густо усеивающих обе челюсти воина-мага. Я поморщился, как от оскомины. С пламенем этот любитель эффектов перебарщивал. Самоуверенный тип. Но не слишком умный, раз до него еще не дошло, что магическая ловушка на меня, чужака, не особенно-то и подействовала. А сей факт, соответственно, предполагает наличие у данного чужака определенных способностей и силы. Или он считает себя настолько крутым, что ему абсолютно все равно: есть у чужака сила или нет?

Я недобро прищурился, абсолютно не сомневаясь, что никакие объяснения услышаны не будут, раз я уже низведен в раба: ведь раб права голоса не имеет. Впрочем, я и не собирался пускаться в объяснения со столь неприветливым инором — инорасовиком, чужим. Мне необходим источник информации, и подходящий источник находился как раз передо мной. Все друг друга используют, это аксиома. Просто кому-то это удастся сделать раньше.

— Неповиновение будет наказано! — вновь пророкотал всадник и, снова не дождавшись выполнения приказа, широко взмахнул руками, на уровне плеч, принимая позу, характерную для сотворения заклинания. Почему характерную? Я частенько видел подобные жесты в фэнтезийных фильмах: там этих типов — магов, колдунов, чародеев, волшебников —

хлебом не корми, только дай руками помахать; пара-другая заклинаний — и все проблемы решены.

В тот же миг я понял, что не все так просто. Потому что отчетливо ощутил, как потенциальная опасность в долю секунды переросла в смертельную угрозу, и не стал ждать, когда маг сделает меня своей решенной проблемой. Кто знает, как заклинание подействует на меня, чужака в этом мире, не рожденного среди *его* магии...

Тело привычно ухнуло глубоко в Лешу, в несколько раз ускорив все жизненные процессы, и мир вокруг стремительно замедлил бег.

Руки всадника продолжали подниматься, но теперь, с новой позиции восприятия, поднимались так медленно, словно к запястьям мага вдруг подвесили по тяжелой гире, а шевеление губ, произносивших какие-то слова, стало почти незаметным. Изменилась и характеристика окружающего пространства — воздух как бы загустел, и высокие тона звуковых волн стерлись на фоне низкого угрожающего гудения. Уровень восприятия обычно ускоряется в соответствии с возрастанием уровня угрозы для жизни — похоже, на этот раз опасность была не так уж и велика, если реальность все еще *двигалась*.

Недолго думая, я прыгнул прямо с места — три шага не расстояние и без Лешу. Удар открытой ладонью пришелся точно в центр затянутой стальным панцирем груди мага. Затем, едва коснувшись носками ботинок скованной холодом земли, совершенно уверенный в результате своего выпада, я таким же длинным прыжком отскочил на прежнее расстояние. Для обычного наблюдателя со стороны, не владеющего Лешу, удар мог так и остаться незамеченным, в крайнем случае, маг мог разглядеть лишь размытую тень, мелькнувшую туда и обратно.

Но не ощутить такой удар невозможно.

Стальной панцирь на груди мага дрогнул и начал сминаться внутрь в форме человеческой пятерни, будто воск или глина при страшно замедленной покадровой развертке. Все глубже и глубже, пока деформируемый невидимой силой металл не коснулся тела, — и оно содрогнулось, прогнулось назад, выбросив вперед руки и склонив голову, словно от удара многотонным тараном, каким проламывают ворота средневековых крепостей. Воина-мага медленно, но неотвратимо вырва-

ло из седла. По меркам Лешу, полет его мог продолжаться довольно долго, поэтому я вернулся в поток скорости обычного сознания. Полюбоваться делом своих рук можно и так, без неоправданных трат жизненных сил, сторовших в *быстрове-мье*, как топливо костра на бешеном ветру.

Мир тут же сорвался с места, загрохотал и завопил на высоких тонах, атакуя органы восприятия, затем сознание очистилось... Все было привычно.

Вылетев из седла, маг тяжелой бесформенной грудой рухнул на лед, глухо лязгнув латами. Голова его едва не коснулась границы, за которой начиналось огненное пекло.

Я нахмурился.

Маг больше не шевелился, излучение жизненной эманации быстро гасло. После контрольного сканирования выяснилось, что ловчий маг Драхуб, слуга Владыки Колдэна и Хранитель Силы Рода, при падении банально свернул себе шею. Я выругался вслух и от души. Скверно получилось. Не этого я добивался. Не нужна мне смерть этого существа! Так, слегка прочитать...

Мысль оборвалась — жуткий, леденящий душу рев буквально взорвал воздух рядом, и что-то мощное и стремительное бросилось на меня. Еще не осознав, что случилось, я снова оказался в Лешу...

Драконокони!

Огромное тело твари взвилось на дыбы, тяжелый стальной щит на груди взметнулся, словно лист бумаги, подброшенный движением мощных грудных мышц, копыта с костяными серповидными резаками полоснули воздух перед моим лицом, замахнувшись для смертельного удара. В одно неуловимое мгновение я ощутил силу и мощь этого адского создания, его бешеную ярость, кровавым отблеском полыхнувшую в антрацитовых глазах, жажду крови и мести — за хозяина. Хриплый вибрирующий выдох прочертил воздух пламенной струей, скользнувшей по правому плечу...

Скорость чудовища оказалась просто невероятной, и уровень Лешу моментально взвинтился на целый порядок. Тварь была так смертельно быстра, что страшные копыта в одно мгновение расчленили бы меня на несколько окровавленных кусков, если бы я не уклонился, мгновенно сместив корпус вправо. Конечно, я значительно превосходил драконоконя по скорости, и резерв далеко не исчерпан, но мощь тела зверя,

его стремительных движений вызывала безотчетный ужас где-то на генном уровне и... и рождала восхищение. Да, именно так — восхищение. Промахнувшись, копыта со всей дури опустились на лед. Серебристый фонтан сверкающего холода. Драконоконь тут же развернулся в очередном прыжке.

Ответ был уже готов: сознание сконцентрировало связывающую мыслеформулу в руке. Метнувшись прямо под зверя, я нанес жесткий удар открытой ладонью в надвигающуюся сверху широченную грудную клетку, под приподнявшийся стальной щит. Ладонь словно врубилась в бетон, и отдача едва не вырвала мне плечо, а махина из мяса и костей продолжала надвигаться, даже не заметив моих усилий по ее укрошению. В Лешу практически нет мыслей — точнее, там они качественно иные и сразу, едва возникнув, выплавляются в действие. Мощный интеллект подсознания за едва уловимое мгновение просчитывает солидную кучу возможных комбинаций и выбирает наиболее подходящую. Поэтому некогда особенно сокрушаться, если, например, расчет веса этой туши почему-то оказался небрежно занижен этим самым зловлятым интеллект. Не получилось сразу — попробуй применить второй, третий... десятый вариант, пока не добьешься успеха или не погибнешь сам. В данном случае погибать просто смешно, задача не слишком сложна. Но и убивать зверя, это великолепное адское создание, — нет, об этом не могло быть и речи. Куда интереснее и перспективнее попытаться подчинить его себе, ведь способы для этого имелись, способы, которые я уже и раньше применял на животных.

Дальше все напоминало отдельно вырезанные видеок cadры.

«Энергия со всего тела споро течет в правую руку, формируя ее в *молот*...

Земля снова вздрагивает от удара копыт, осколки льда медленно отделяются от нее и устремляются вверх...

Очередной пламенный выдох перед мордой зверя начинает формироваться в струю...

Нырок влево...

Два быстрых шага прямо под брюхо, затянутое корсетом бронированной чешуи и стальных мышц...

Короткий отвод руки к груди для удара — энергия пылает на кончиках пальцев...

Рука пошла вперед...

Движение копыта задней ноги зверя навстречу...

(Слишком медленно. Но как он мог угадать?!)

Пальцы впиваются в чешуйчатую кожу брюха, в связки и мышцы, из-за взвинченной скорости удара податливые, словно масло... уклонение... копыто острым срезом скользит по верх плеча, словно меч разъяренного воина...

...И только сейчас пламя выдоха достигает льда и плавит его там, где меня давно уже нет. Давно — по меркам Лешу.

Три скользящих шага в сторону...

Дело сделано».

Мыслеформула, которую я ввел прикосновением пальцев, уже запущена и действует в драконоконе самостоятельно. Структурирующий поток энергии скользит по нервным волокнам твари, глубоко проникает внутрь, минуя внутренности, движется дальше, по гигантским мехам легких, достигает нервного сгустка, вычисленного как сердце, движется дальше, к мозгу, и охватывает его жестким коконом заданного алгоритма... Расчет оказался точен, и ощущение затухающей жизни зверя касается моей ауры как слабеее тепло солнечного заката...

Драконоконь поражен. Оглушен и скован. Сон наваливается на него непреодолимой многотонной тяжестью.

Возврат из Лешу в обычный поток сознания.

Снова привычный хаос из звуков и образов, сопровождающий переход сознания на другой уровень восприятия, и спустя какой-то миг все приходит в норму...

Бедняга.

Драконоконь пытался из последних сил, запаленно хрипел, приседал на задние ноги, словно пытаясь сбросить чуждые оковы магии Мобра, особого искусства структурирования мыслеобраза с Новы-2, но одолеть их был не в силах. Огромное тело неотвратно влекло к земле... Пламя вилось множеством отдельных смерчков вокруг судорожно раздувающихся ноздрей. В темных, влажно отблескивающих глазах застыло невероятное потрясение...

В этот момент толчок интуиции заставил меня оглянуться.

Как оказывается, своевременно. Разрез в пространстве, через который проник маг, медленно закрывался. Его края будто затягивались прозрачным вязким клеем, скрывая траву и деревья и возвращая на место картину адского пекла. Забавно, но в фэнтезюхах визосети заклятия обычно гасли после смерти сотворившего их мага.

Впрочем, я сейчас не дома перед визором.

На решение проблемы оставались считанные мгновения, и я бросился вперед. Разрез затянулся уже наполовину, но тридцать шагов — ничтожная доля секунды для *быстрвременья*. *Сдвиг* происходит сам собой, без малейших усилий, сил имелось еще немало. Носки ботинок в летящем движении одинаково легко скользнули по льду и пеклу, прыжок...

...И я выпадаю в другую реальность, под бледное солнце и свежий ветер.

Глава 2

ПИЦЦА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Быстро оглянувшись вокруг, я удовлетворенно хмыкнул.

Лед и пекло исчезли, как исчезает лопнувший мыльный пузырь. С севера, примерно километрах в пяти, смутно прорисовывалась серо-зеленая стена неведомого леса, с востока обозначилась россыпь разновеликих холмов, уходящая к утонувшему в туманной дымке основанию далекой горной гряды. Белизна, пометившая ее пики, говорила об их немалой высоте. Остальные стороны света покрывала ровная, как стол, равнина, сплошь затканная одеялом из желтовато-серой, пожухлой травы. Удивительно, но небо осталось почти прежним — тусклая клякса солнца плавала в зените, словно в мутном киселе, лишь тучи из черных полиняли на темно-серые. Остро пахло грозой. Время года по ощущениям — поздняя осень, время суток — ближе к вечеру.

«Раб, прибывший из-за Сферы...» Какая-то загадочная сфера окружала планету, поглощая едва ли не две трети света. Первые же ассоциации навели на аналогию с планетарной силовой сферой, используемой в технологически развитых мирах, таких, как моя Нова-2, Искарин-9, или Кассиония, для защиты густонаселенных планет от атак из космоса, но как-то с трудом верилось, что я попал именно в такой мир. Скорее уж — какая-то местная аномалия, проделки матушки-природы и тетушки-мироздания.

Сканирование не выявило никаких живых созданий в пределах нескольких километров. Я позволил себе немного расслабиться и осторожно вернулся к месту своего появления в

этом мире. Ледяное поле, источавшее смертоносный холод, заменил ровный каменистый круг, полностью совпадавший с ним размером, — чужеродная нашлепка среди живой природы, неизвестно как оказавшаяся посреди степи. словно след огромного таинственного зверя, мимоходом превратившего почву в камень прикосновением громадной лапы. Холод тоже пропал, ощущалась лишь слабая пульсация энергетических волн.

Скорее всего, энергию для своей ловушки ловчий маг почерпнул прямо из самого круга. Сам он, вернее, его тело покоилось на краю каменистого пятна, а драконоконь громоздился громадной тушей прямо в его центре, словно жертвоприношение на древнем алтаре некоего кровожадного божества. Этот, по крайней мере, был жив. И медленно приходил к себе. По телу зверюги пробегала крупная беспокойная дрожь, одетые в мелкую чешую клиновидные уши дергались, словно отгоняя надоедливых мух.

Я осторожно шагнул на пятно и замер, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Нет, ничего особенного. Та же слабая пульсация, что ощущалась и на расстоянии...

Я неторопливо подошел к телу мага, прикидывая, что из его вещей может понадобиться мне. Собственная одежда меня вполне устраивала. Прочнее и надежнее экровеленовой ткани здесь вряд ли сыщешь. Как только попадетсЯ подходящий объект для копирования внешнего облика, достаточно будет лишь мысленного толчка, чтобы изменить цвет и покрой одежды. Я неплохо подготовился к этому походу. Но поверженный маг подходящим объектом не показался. Разве что в его сознании можно будет отыскать что-нибудь полезное для моих целей.

Что же до его меча...

Присев на корточки, я немного повозился, разгибая кольца, крепившие ножны прямо к боковой пластине черных лат между поясом и верхней частью бедра. Затем рассмотрел оружие поближе. Ножны были сработаны из дерева и обтянуты плотной грубой кожей, окрашенной в грязно-серый цвет. Металлические, толщиной с проволоку, оковки, отполированные до зеркального блеска, шли по всей длине ребер с равными промежутками, сообщая им прочность и служа украшением одновременно. Я потянул за черную, расширяющуюся к

оголовью рукоять, материала которой не сумел определить ни на глаз, ни на ошупь, и настороженно замер, ощутив нечто странное. Что-то в этом мече не так. Он эманировал, излучал энергию, словно нечто живое... И все же любое живое существо ощущается иначе. Отбросив излишнюю осторожность, я вытянул клинок наполовину и изумленно покачал головой, разглядывая обнаженный участок лезвия. Гладкая полупрозрачная поверхность клинка из неведомого материала даже от скупого дневного света сразу потекла причудливо переливающимися бликами. Какой-то кристалл? Я слабо усмехнулся. До моего собственного Вечного Клинка, оставленного на Нове-2, этому мечу, конечно, далеко, но и он был непростым. Магия? Магический клинок? Сколько слышал о таких вещах и даже владел чем-то подобным, но все равно их существование казалось нереальным, неестественным, абсурдным. По крайней мере, Вечный Клинок был продуктом древней высокоразвитой технической цивилизации, а этот меч, вне всякого сомнения, — образец местного производства.

Я задвинул клинок в ножны, погасив прозрачное сияние.

Пора подумать о цели, ради которой я прибыл в этот Небом забытый мир, оказавшийся к тому же и магическим. Время шло, и остывающий мозг мертвого мага скоро окажется бесполезным. Я коснулся пальцами сиглайзера, намертво сцепленного с правым виском молекулярной присоской. Первый мысленный импульс развернул перед глазами режимную таблицу, второй переключил сиглайзер в режим эмлота с жестко заданной поисковой программой, третий дезактивировал молекулярное сцепление. Я шагнул к телу мага, отогнул подвижный сегмент брони, прикрывающий скулу и шею, и прижал сиглайзер, вернее, уже эмлот, к серокожему черепу, под срез стального шлема.

Сам приборчик выглядел как плоская старинная монета около двух сантиметров в диаметре, даже гравировка с обеих сторон соответствовала, но таил в себе куда большие возможности, чем примитивный предмет денежного достоинства. Банк данных сиглайзера «бета-44», музыкального мнемопроигрывателя, был под завязку забит глобулами — композициями, ориентированными на глубокое взаимодействие с подсознанием. Но его основная роль заключалась в ином: в корпус сиглайзера был интегрирован эмлот — мнемоанализатор для работы с чужой памятью, и линган — лингвистический ана-

лизатор, переводчик. Отличная маскировка даже для моего собственного мира — хитро, удобно, безопасно. Сиглайзеры попадались на каждом шагу, мнемоманов в мирах Федерации пруд пруди, а эмлоты-линганы предназначены отнюдь не для широкого пользования — технология изготовления подобных штучек до сих пор находится под строжайшим секретом, что делает их заветной мечтой любого шпиона.

Сейчас мне понадобился именно эмлот, но хорошую музыку я тоже любил, так что совмещение приятного с полезным можно счесть весьма удачным вариантом. Псевдосиглайзер я получил от нанимателя в числе прочих универсальных вещей. Думаю, в скором времени подобные приборчики станут таким же рядовым явлением, как и сиглайзеры, развитие и совершенствование технологий остановить невозможно, но на сегодняшний день, я в этом не сомневался, нанимателю пришлось выложить за модификацию прибора кругленькую сумму... Впрочем, как и за все остальное. Наниматель не скупился на затраты, его состоянию ущерб не могли принести и куда большие расходы. А я не стеснялся в требованиях — авантюра, в которую я позволил себя втянуть, давала подобное право. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что в этом деле у меня имелся и свой интерес, иначе на это путешествие я бы не согласился.

Через минуту поверхностный слепок памяти был получен. Вернув эмлот на свой висок, я снова развернул перед глазами диалоговое окно и дал команду на предварительную фильтрацию информации по предложенному набору ключевых мыслеобразов, не дожидаясь, пока это в более удобной форме сделает операционная система анализатора. Здесь, конечно, имелись свои сложности. Пока слепок не адаптирован, то есть не переведен в базу систематизированных данных, восприятие чужих воспоминаний затруднительно — оно происходит или слишком ярко, или слишком тускло, бессвязно, отрывочно. Зачастую востребованная картинка каких-либо событий сильно перегружена эмоционально, а испытывать на себе чужой стресс не слишком приятное занятие. Информация в чистом виде на этом уровне и вовсе недоступна. Необходимо около часа-двух на то, чтобы компилятор операционной системы эмлота сделал из воспоминаний чужого мозга что-то вроде жесткого дефрагментированного архива. Когда информация из разобщенных, разбросанных по разным за-

куткам памяти отрывков собрана в отдельные файлы по каждой конкретной теме, тогда и разобраться что к чему гораздо легче. Все лишнее — второстепенное и незначительное, при этом отсеивается. Впрочем, даже этот хлам не уничтожался, а архивировался с максимальным сжатием и сбрасывался в копилку, из которой мог быть затребован по необходимости. Но сейчас пришлось сделать исключение. Неизвестный мир, неизвестные правила — кто знает, что произойдет в следующую минуту? Предварительную информацию нужно получить сейчас, подробности — позже. И эмлоту придется поработать с двойной нагрузкой.

Я не ждал быстрых результатов от первого же информатора, понимая, как мало на это шансов, и не испытал разочарования, когда выяснилось, что данные об искомом объекте отсутствуют. Но польза все же была, и немалая, так как следующий запрос сформировал довольно подробную карту местности предстоящих поисков, то есть все, что почивший маг видел своими глазами, было систематизировано в единую картину. Кроме того, я получил информацию о близлежащем городе, который населяли не зверовидные типы вроде этого мага, а, судя по программно обобщенному облику горожан, существа, подобные людям. Сородичи мага, звавшиеся далроктами, именовали их хасками, сами же те называли себя хааскинами.

Что ж, уже теплее.

Повинуясь мысленным указаниям, куртка-хамелеон изменилась, вытянувшись в плащ до колен. Детали подправить можно уже при встрече с кем-нибудь из хааскинов. Так, а теперь не мешало кое-что разведать...

Сосредоточившись, я отпустил вожжи своего восприятия как можно дальше и как можно тщательнее прощупал ближайший отрезок пути. Через некоторое время где-то среди холмов на востоке, но еще до гор, возникло ощущение присутствия множества аур живых существ. Без всякого сомнения, это был город. Километрах в тридцати. Я немного напрягся, стараясь четче проявить картину. Численность населения, судя по интенсивности эманации, колебалась где-то в пределах десяти тысяч душ, что подтверждало информацию эмлота...

Что ж, пока что самое разумное — отправиться именно туда.

Приостановив работу эмлота, я покосился на драконоконя. Зверь, кажется, боролся с наведенным сном, во всяком случае, пытался — ноги с острыми копытами, серповидные сегменты которых были разведены в стороны на манер звездочки, слабо подергивались, ноздри раздувались, по кожистым щиткам век и клиновидным ушам пробегала крупная дрожь. Сильная тварь, ничего не скажешь. Но алгоритм подчинения должен сделать свое дело.

Я из любопытства послал в эмлот запрос-образ и почти сразу получил ответ: общее название животного — дракх, распространенный окрас — серый, повсеместно используется самыми разными народами, населяющими этот мир, как универсальное средство передвижения. Зверь исключительно всеяден, вынослив и неприхотлив, легко поддается дрессировке. Но черный гигант, который лежал передо мной, принадлежал к особой разновидности, выведенной дал-роктами путем селекции из обычных дракхов для своих нужд, и назывался чарсом.

Мысленный импульс щелкнул поверженного чарса между глаз. Зверь шумно вздохнул, как пловец, вынырнувший из глубины из последних сил, открыл огромные антрацитово-черные глаза и в два приема вскочил на ноги — черная громадина невероятной силы. Почву под пятками ощутимо тряхнуло.

Я обволок его ауру своей, контролируя эмоциональные позывы. После пережитого потрясения зверюга все еще частично пребывала в ступоре, но, несмотря на угрожающий облик, настроена была относительно мирно. Так что если ментальное чутье не подводило, алгоритм внушения сделал свое дело и чарс признал меня своим новым хозяином. В итоге мы оба от этого выиграли — зверь сохранил себе жизнь, а я получил вполне сносное средство передвижения, скажем, в качестве компенсации за неприветливый прием.

Шагнув ближе, я без опаски похлопал ладонью по бугристой чешуйчатой морде. Чарс тут же шумно всхрапнул в ответ — выказывал дружеское расположение. Никакого дымного пламени, никаких завывающихся смерчигов вокруг клы-

ков. Ясное дело, с потерей прежнего хозяина магическая аура, которой тот украшал своего зверя, дабы произвести большее впечатление на окружающих, потеряла силу и канула в небытие. Осталось просто горячее дыхание. Точнее, горячее и невероятно вонючее дыхание. Воняло именно так, как может вонять от плотоядного существа, не имевшего представления о чистке зубов.

Я поморщился, отворачивая лицо в сторону, и проворчал:

— Ладно, зверюга, надо тебя как-то обозвать для удобства... — Я невольно вспомнил клокочущую ярость этой громадины, продемонстрированную при нападении. — Может, называть тебя Злыднем?

Лучше б я этого не говорил.

Тварь мгновенно взвилась на дыбы, накрыв меня своей тенью, и завизжала так пронзительно, что уши заложило напроочь. Злобное возмущение рванулось из чарса, как забродившее вино из прохуdivшегося бочонка, — он явно задумал какую-то пакость. Но осуществить ее не успел, так как наказание последовало сразу же. Слив в правую руку часть энергии, я скатал ее в тугий потрескивающий шар, невидимый для нормального человеческого глаза, и закатил зверю в брюхо. Визг оборвался. Выпучив темные глаза, новонареченный Злыдень слегка присел на все четыре копыта и устался на нового хозяина, как на привидение. Мысль о пакости была забыта, и вид его выражал лишь смирение.

— Вот так-то. Думаю, мы сойдемся характерами.

Самец лишь ошеломленно дыхнул в ответ.

Снова поморщившись от вони, я занялся более подробным осмотром чарса и его снаряжения. На взгляд седло казалось достаточно удобным для человеческого седалища и просто изобиловало кожаными петлями, к которым удобно привязывать разные причиндалы. К одной из петель тут же был надежно прикручен чудо-меч. На себе эту штуковину я таскать не собирался, поясница не казенная, но трофеем любопытный. Может быть, удастся переправить на Нову-2 для коллекции... Там видно будет. В притороченной к седлу большой кожаной сумке обнаружилось какое-то крупное коричневое зерно со слабым запахом серы, килограммов десять, на что эмлот отреагировал однозначно — пища для чарса. Отлично. В случае

чего пополнить запасы можно будет в городе, причем с оплатой особых проблем не предвиделось — предусмотрительно захваченный именно для такого случая портативный дубликатор дождался своего часа во внутреннем кармане куртки... вернее, уже плаща. Свои собственные вещи, упакованные в карманы и специальные отделения плаща, я мог пересчитать по пальцам, терпеть не могу брать в путешествия лишнее барахло и всегда ограничиваюсь только самым необходимым. Зато все — высшего качества.

Что ж, осталось лишь избавить зверя от лишней амуниции. Без особого напряжения я пальцами разорвал металлическую цепь нагрудного щита, и тот глухо звякнул о поверхность каменного круга. За ним последовала сетка намордника.

Снова потрепав зверюгу по бронированной морде, я взлетел в седло. Утвердившись в нем и убедившись в его удобстве на практике, я подхватил поводья и обнаружил, что концы тонкого кожаного ремня крепятся прямо к проколотым ушам твари. Немного необычно, но и не из ряда вон — способов управления животными на разных планетах существовало тысячи. В данном случае уши чарса, по всей видимости, оказались достаточно прочными, чтобы выдерживать натяжение ремня без особого для себя ущерба, и достаточно чувствительными, чтобы повиноваться седоку.

С высоты седла равнина была видна как на ладони, разбегаясь вдаль травянистыми просторами. Хорошенько пораздумав, не забыл ли чего, и не обнаружив больше неотложных дел, я бросил прощальный взгляд на тело ловчего мага Драхуба. Судя по информации эмлота, сородичи этого инорасовика могут оказаться весьма мстительными типами, но с проблемами надо разбираться по мере их поступления. Поэтому я выбросил эту мысль из головы, мысленно включил режим сиглайзера, просмотрел список предлагаемых глобул и запустил подходящую к настроению. Путешествовать, так с музыкой, раз имеется такая возможность...

Затем машинально уточнил время по показаниям графического табло банкосчетчика, черным браслетом обвивавшего мое левое запястье. Финансовый и личностный идентификатор в моем мире, здесь он мог служить только часами, так как способен самостоятельно настраиваться на время любой планеты. И хотя время более-менее точно я мог определять и по

внутренним ощущениям, старая привычка сверяться с ним оказалась неистребимой. Сутки, как здесь выяснилось, равнялись 22.26 часам стандартного времени, а сейчас табло высвечивало начало седьмого вечера. Так я и думал.

С затянутого грозовыми тучами неба упали первые крупные капли начинающегося дождя, и чарс, повинувшись рывку поводьев, устремился вскачь по направлению к городу, напрямик, через холмы. В унисон осеннему облику этого мира в сознании зазвучали первые аккорды мрачной и одновременно завораживающе красивой глобулы Харриса, глубина и мощь которой рождали ощущение присутствия Вселенной.

Путешествие по новому миру началось вполне комфортно.

Глава 3

ВРАТНИК

Когда тяжелый удар сотряс ворота до самого основания, Севрен от внезапного испуга едва не свалился с топчана, на котором задремал под монотонный шум ливня. Да и чего не подремать, если ночью только разная нечисть рыскает по дорогам, а нормальный, светопочитающий хаск сидит себе дома, в тепле и уюте, или коротает время в придорожном трактире, ежели ночь или ненастье застало посреди дороги?

Звук по силе был таков, словно к воротам крепко приложились каменитовым тараном. Небесный Свет, и что же это такое может быть? Или кто? Кого там принесло ночью в такой ливень? Разве что дал-роктов, этих Вестников Тьмы, Стерегушего на них нет...

Караулка располагалась прямо над городскими воротами, на втором ярусе крепостной стены, и продувалась насквозь всеми ветрами через смотровую бойницу. Зябко ежась в легком кожухе не только от стылого ветра, но и от собственного предположения о дал-роктах, Севрен неуклюже соскочил с топчана, подхватил поставленный в угол взведенный арбалет и осторожно высунул всклокоченную со сна голову в бойницу.

Два магических светильника — машара, подвешенные к верхнему краю ворот, тлели, словно глаза адского создания, с трудом пробиваясь сквозь сплошные потоки ливня и еле-еле

освещающая дорогу. Впрочем, вратнику этого освещения вполне хватило, он разглядел того, кто явился по его душу.

Перед воротами под проливным ливнем неподвижно стоял всадник.

Громадный, темный, застывший.

Словно кто-то притащил неведомо кем сотворенную чудовищную статую да и утвердил ее прямо перед Сияющим Городом. Голова всадника приходилась лишь на три локтя ниже машаров, и огромные городские ворота по сравнению с ним казались обычными входными дверями в дом какого-нибудь простолюдина.

Вот тут уж Севрен перепугался до смерти. Руки судорожно стиснули приклад арбалета, дыхание перехватило. Верно в народе говорят, помяни дал-рокта к ночи, он и явится... Но в следующий миг накатившее напряжение отпустило, хотя и не до конца, далеко не до конца.

Конечно же, это не дал-рокта.

Это чужеземец, хальд.

Из земель, не помеченных Пророчеством Зверя, — из-за Предела.

Сам-то хальд при ближайшем рассмотрении оказался вполне обычного роста, в темной одежде, практически сливающейся с окружающей его тьмой. Но вот дракх под ним был просто огромным, прямо не дракх, а самый настоящий чарс, таких Севрен раньше видел лишь под дал-роктами, что и ввело в заблуждение. И как он с такой силой в ворота саданул? Может, заставил зверя копытом приложиться?

Догадка оказалась верной.

Прямо в ответ его мыслям чужеземец шевельнулся, и чарс поднял переднее копыто с явным намерением повторить сигнал побудки для соней караульщиков. Ворота же испортит, хальд проклятый, а ему, вратнику, отвечать перед городским советом за испорченное имущество. Эта мысль испугала Севрена даже больше, чем испугало бы появление настоящего дал-рокта.

— Эй, чего ворота ломаешь? — заорал вратник, высунувшись в бойницу чуть ли не наполовину. Его голос со сна да от нервного озноба едва не сорвался на позорный писк. — А ну отвечай, ты кто таков?

Чужеземец поднял голову. В отсвете машаров слабо блеснули темные глаза из-под капюшона, а его чарс, без видимого

понукания, опустил копыто обратно на дорожную брусчатку, оставив ворота в покое. Вот и ладно, вот и хорошо.

— Путник. Путник, которому нужны кров и ночлег. Пусти, добрый человек, не заставляй мокнуть под дождем.

Несмотря на неумолчный шум ливня тихие слова прозвучали вполне отчетливо. Как странно изъясняется, отметил про себя вратник. Точно из хальдов, издалека, слова все незнакомые. Если бы не заклинание Речи, брошенное Волшебным Зверем в мир Хабуса еще на заре сотворения Сферы, пожалуй, единственное Его полезное дело, вряд ли оказалось бы возможным понять чужака. До Севрена вдруг дошло, что караульные в дозорных башнях, крепостная стража, или «каменюки», как их прозвал народ, коим и полагалось наблюдать по ночам за дорогами, до сих пор не дали о себе знать. Да что же они там, мрак их забодай, перепились все, что ли?

— Не положено, — нехотя буркнул Севрен, зябко ежась при мысли, каково приходится чужаку под сплошным потоком воды. — Ворота откроются только утром. Не раньше.

— Неужели ты полагаешь, что сможешь заставить меня мокнуть здесь до утра? — Чужак как-то нехорошо улыбнулся, прищурился глазами. — Ворота сломаю. Я, может, и притомился, а вот мой зверь еще в силе. Лучше впусти.

Кажется, предостережение прозвучало всерьез, но Севрена это только разозлило. А злость заставила отступить страх, вызванный внезапным появлением ночного гостя. За каменными стенами караулки вратник вдруг почувствовал себя в полной безопасности. Ну уж нет, так просто, за здорово живешь, какому-то безродному чужаку его не запугать!

— А ты мне не угрожай! Шляются тут всякие по ночам да еще и грозятся! Не мое дело в столь позднее время ворота отпирать! Только светлейший может распорядиться на сей счет!

— Ну так сбегай и спроси своего светлейшего. Я под дождем стою, человек. Надеюсь, ты заметил?

Так непочтительно о сильнейшем маге Хааскана мог отозваться только чужак, не знакомый с порядками Сияющего. Севрен уже открыл рот, собираясь от души рывкнуть на хальда, но в последний миг сумел справиться с гневом, вспомнив, что перед ним ведь и в самом деле чужак. А какой с него спрос... Однако и впрямь надо светлейшему доложить. Насчет чужаков у Наместника всегда особые планы...

— Эй, растяпа, — хрипло донеслось наконец из правой дозорной башни, — что за задницу там принесло?

Точно, упились, нахмурился Севрен. Да так, что глаза продрать не в силах. Не дай Свет, явится старшой, подвоевода Нарсон Большерукий, так грозы не миновать. Упекут «каменьюк» в яму, самое малое — на месяц, ледяную воду хлебать да черствым хлебом закусывать. А заодно и ему достанется, за то, что не доложил вовремя.

— Он что там, ворота сломать мыслит? — подхватил другой хмельной голос из левой башни. — Совсем, что ли... гык... оборзел?

Вот сволота, оба упились. Значит, за дорогой вовсе не смотрели, сошлись где-то в одной башне и квасили, а потом разбрелись. Нет, старшому придется доложить. Его, Севрена, дело маленькое, но за охрану ворот он один отвечать не собирается...

— А вот мы шас его, — с угрозой донеслось из правой башни, — чтоб неповадно было...

Не успел Севрен подумать о том, что они затеяли, как сухо звякнула тетива, и стрела просвистела прямо над головой чужака-хальда, канув в темноту.

Хальд как стоял, так и остался стоять. Не шевельнулся. «От страха онемел, что ли, — удивился Севрен, испытывая даже некоторое облегчение, — а вдруг чужак Наместнику позарез нужен, а дозорные каменяюки пришибут ненароком».

Ответ чужака показал, что он и не думал пугаться.

— Не шали, служивый, не люблю. Еще раз такое выкинешь — получишь свою стрелу в собственную глотку. А ворота сломаю. Даю десять минут.

Спокойный, холодный, властный голос чужака почему-то враз заставил Севрена поверить в серьезность его предупреждения. Сердце испуганно екнуло в груди. Маг, что ли, этот хальд? Простолюдин не может *так* говорить...

Похоже, «каменяюки» тоже что-то почуяли. И малость протрезвели.

— Эй, вратник, Гораз говорит. Дуй к сотнице «неистребимых». Пусть передаст светлейшему, что у нас гость.

— А как же...

— Не сопрут твои ворота. Дуй, говорю. Сочтемся.

Ну еще бы. Если Гораз к Наместнику явится «заквашенный», то вылетит со службы как пить дать. «Ничего, — с неко-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

НЕПРОШЕНАЯ ЛЕГЕНДА

Глава 1. ЭЛИОТ НИКСАРД	5
Глава 2. ПИЩА ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ	16
Глава 3. ВРАТНИК	24
Глава 4. ПРОБЛЕМА ЧУЖАКОВ	28
Глава 5. ДАЛ-РОКТЫ	33
Глава 6. ЯВЛЕНИЕ ЗАСФЕРНИКА	36
Глава 7. КОЛДЭН	46
Глава 8. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧУЖАКАХ	51
Глава 9. НОЧНАЯ ДОРОГА...	58
Глава 10. БАШНЯ СБОРА	62
Глава 11. ЛЕГЕНДА	70
Глава 12. СИГЛАЙЗЕР	74
Глава 13. ЗАСТАВА	84
Глава 14. ТРЕВОЖНОЕ ОЖИДАНИЕ	88
Глава 15. КАМЕННЫЙ МЕШОК	95
Глава 16. БОЙ	108
Глава 17. ГРАНИЦА	112
Глава 18. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЕР	120
Глава 19. ДРАХУБ	123

Часть II

НАВЯЗЧИВАЯ ЛЕГЕНДА

Глава 1. В ТРАКТИРЕ «СУДНЫЙ ДЕНЬ»...	127
Глава 2. ДРАХУБ	132
Глава 3. ШУМНЫЙ ВЕЧЕР	137
Глава 4. СТРАННЫЙ СОН	154
Глава 5. ПУЗАТЫЙ БОЧОНОК....	159
Глава 6. ИЗМЕНЕНИЕ ПЛАНОВ	168
Глава 7. НЕРВНАЯ НОЧЬ	171

Глава 8. СВЕТИЛИЩЕ НУБЕСОВ	182
Глава 9. ПОДГОТОВКА ПОРТАЛА	193
Глава 10. ОШИБКА ДОЗОРНОГО	206
Глава 11. ОХТАН	209
Глава 12. МОРАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	213
Глава 13. СТАРЫЙ ВРАГ	244
Глава 14. ХОЗЯЙКА «НАЯДЫ»	250
Глава 15. ЕЩЕ ОДИН СТРАННЫЙ СОН	258
Глава 16. ТАЙ. В ПУТЬ	261
Глава 17. НЕДОБРОЕ УТРО НА ПРИСТАНИ	265
Глава 18. НЕУДАЧНЫЙ ПЕРЕХОД	273
Глава 19. ДЕНЬ СЮРПРИЗОВ	284
Глава 20. ТАЙ	293

Часть III

СМЕРТОНОСНАЯ ЛЕГЕНДА

Глава 1. АЛЬТАРЕС	304
Глава 2. МЕСТЬ БЛИЗКА	312
Глава 3. НИКСАРД И ТАЙ	315
Глава 4. ГРОНТ	340
Глава 5. КОРОТКИЙ ПРИВАЛ	348
Глава 6. ШОРДОК	361
Глава 7. СПИХАТХА	369
Глава 8. ПРОВОДНИКИ	373
Глава 9. ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ	384
Глава 10. И СНОВА УТРО	386
Глава 11. ЧУЖИЕ НАДЕЖДЫ	402
Глава 12. УСЛОЖНЕНИЕ СИТУАЦИИ	406
Глава 13. ПОРТАЛ ГИЛСВЕРИ	413
Глава 14. ГРОНТ. РАЗВИЛКА	419
Глава 15. СТЕРЕГУЩИЙ	426
Глава 16. КВИН	434
Глава 17. ШКУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	452
Глава 18. ИНИЦИАЦИЯ	457
Глава 19. ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ	464